

Первый день **НА МАРСЕ**

**Валентин
Макрушин**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ

ВАЛЕНТИН
МАКРУШИН

Первый ДЕНЬ НА МАРСЕ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

ЕКАТЕРИНБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ "ТАРДИС"
2013

УДК 821.111(73)

ББК 84Р6

М18

Литературно-художественное издание

М18

Валентин Александрович Макрушин. Первый день на Марсе. Научно-фантастическая повесть. Серия "Фантастический раритет". Выпуск № 205 Екатеринбург, Издательский дом "Тардис" 2013 г., 50 стр.

Впервые отдельным изданием выходит «фантастическая загадка» 60-х - повесть «Первый день на Марсе», чья публикация по непонятной причине была прервана.

© Валентин Макрушин, текст 1961

© Борис Покровский, обложка 2013

© Издательский дом "Тардис",
макет, оформление 2013

В БЕЗДНЕ ВСЕЛЕННОЙ И ЗВЕЗДЫ НЕ СМЕЮТ МИГАТЬ

Все дальше уходит голубой кружочек Земли со сверкающим ободком воздуха. А Марс пухнет, наливается багрянцем, становится выпуклым. Длинные расплывчатые полосы каналов отчетливо рассекают его оранжевое северное полушарие. На стыках каналов — темные круги-

Все дальше уходит голубой кружочек Земли со сверкающим ободком воздуха. А Марс пухнет, наливается багрянцем, становится выпуклым. Длинные расплывчатые полосы каналов отчетливо рассекают его оранжевое северное полушарие. На стыках каналов — темные круги.

Словно по линейке, разграфлена поверхность.

Против кресла пилота — большой смотровой экран водителя. Он вогнут. На нем отображается пространство вселенной. Рядом экран кругового телескопа.

Ракета приближается к орбите Марса. Скоро на пересечении орбит она нагонит планету и опустится на Марс. Оранжевый серп его пламенеет в утренних лучах солнца.

Но чем яснее видит Васильчиков давно знакомые по телескопическим снимкам темные пятна, чем ближе радиоактивный пояс Марса, тем сильнее растет тревога. Утонувший в кресле под силой тормозной перегрузки пилот с трудом шевелит пальцами длинных ног, чувствуя, как тяжелеет тело. Он беспомощен, словно спеленат в колыбели.

При посадке на Луну тоже было тревожно на душе. Но тогда сознание победы над пространством одолевало тревогу. Здесь само понятие пространства исчезло. Земной шар не отличить от звезд, и находится он не там, откуда летит ракета.

Пилот с большим усилием подавил безотчетное желание повернуть ракету. Пальцы так и тянутся к кнопке. Свернуть в сторону от набухающего, теперь уже желтого полумесяца с огромным расплывающимся пятном материка, похожего на осьминога. Свернуть, облететь кругом, посмотреть.

Кажется, материк шевелится. Поворачиваясь к ракете, осьминог гипнотизирует пилота своим багровым глазом. Это Крабовидная туманность. Взорвавшаяся девятьсот лет назад сверхновая

звезда еще двигает языками газов, ее рваные волокна, кажется, шевелятся.

Васильчиков отвел глаза от телескопа и осторожно взглянул на обзорный экран. Марс отодвинулся. Материк потерял очертания, щупальца исчезли. Пилот улыбнулся: «Так-то спокойней. О человечья натура!»

В этом круглом глазу «Осьминога» два года назад лунные обсерватории наблюдали синие круги и дуги. Они передвигались, суживались. С Земли дали ответный сигнал – те же синие кольца. Писки в телерадио усилились, круги на Марсе задвигались быстрее.

Марсоведы не разгадали происхождения этих явлений. Беспилотная ракета-зонд, запущенная на планету, ничего не показала, подготовка экспедиции на Марс была ускорена.

И вот три ракеты одна вслед за другой, огибая Солнце, движутся к оранжевой планете. Впереди малая ракета Васильчикова – экипаж в четыре человека, – легкая, она сядет на Марс.

Долог полет на Марс! Все томительнее ожидание. Неизвестен путь, нет зримых ориентиров измерения пройденного. Еще не проверены силы взаимного тяготения небесных тел. Пилоты заставляли себя не думать о прямом попадании метеоритов в стены ракеты. Каждое мгновение может оборваться траектория полета. Метеоры заставят ракету свернуть с намеченной на Земле орбиты. Плутать по космической целине, где ночь при ярком свете Солнца, где нет атмосферы и свет не рассеивается. Попасть в тучи космической пыли распадающихся звездных ассоциаций!

Далекая Земля! Только удаляясь от твоей цветущей поверхности, понимаешь, как ты прекрасна!

Для посланцев Земли создана земная обстановка. Ведь их ракета — кусочек Земли здесь, в космосе. В ракете — свой микроклимат, растительность. Голубой потолок, светлые стены и темный пол всегда указывают по-земному, где верх, где низ, как бы ни вертелась ракета.

Светящиеся пластинки в стенах кабины прикрыты зелеными шторами. Они льют притушенный свет, как бывает днем под густой листвой. Тени гамаков и тени четырех ростков сибирских пихт — подарок якутов — переплетаются на смолистых матах влажного пола.

Все влажное, сырое напоминает Землю в мертвом, без воздуха и воды, космосе. Опахала имитируют ветер. Ростки пихт — лес. Магниты на полу — земное притяжение. Но если человека заключить надолго в оранжерею, будет ли он чувствовать себя в лесу? Ни ветер опахал, ни магниты, удерживающие ноги у пола, не помогают.

Человек ошеломлен могуществом пространства и немой пустотой космоса. Пустота кругом, пустота под ногами. Человек ощущает ее инстинктивно все время. Даже во сне он чувствует пустоту, бессознательно отыскивает всем телом опору.

Поднимешь руку к голове, чтобы пригладить волосы (все кажется, что они стоят дыбом), и подпрыгнешь: забываешь, что рука почти ничего не весит. При резком движении сам поднимаешься на воздух, если не нацепил железных подков.

Да и подковы не помогают. Ноги прилипают к намагниченному полу, а сам качаешься, будто водоросль в воде. Шевелишь, перебираешь ногами, а пола не чувствуешь, как бывает во сне. Подошвы словно в тине.

Пилоты привыкли чувствовать силу своих мышц. А тут отвратительное, непреодолимое ощущение беспрерывного падения. Расслабленные мускулы, словно тряпки. А в ушах шум, непрерывный шепот.

Васильчиков меньше товарищей оказался подверженным болезни мирового пространства — мучительному ощущению потери точности опоры, потери веса. Но все же и ему было нелегко, тем более что самовращение ракеты, создающее силу тяжести, замедлилось к концу полета, тяжесть тела катастрофически уменьшилась.

А нужно двигаться. Пилоты дежурили в штурвальной посменно. Лучшие часы полета! Далекие миры светятся перед тобою на экране. И ты хозяин среди планет! Ракета летит. На объемном изображении экрана это ясно видно по растущему шару Марса, по меняющемуся облику неба, по расположению звездочки Земли. Пространство покоряется воле пилота, и клешни Краба застывают в ожидании.

Космонавты следили за работой автоматов управления, фиксировали маршрут, исследовали насыщенность космоса межпланетным веществом, действие световых и космических лучей. Они выращивали подопытные растения, проверяли влияние полета на состояние здоровья людей.

Только лежа, прикрепленные широкими эластичными лентами к гамакам, отдыхали космонавты у вентиляторов-опахал. Они молчали. Трудно говорить. Язык, почти невесомый, так и прыгает во рту. Да и о чем говорить, когда впереди все неведомое, неземное? О кругах на Марсе, виденных с Земли? Какие существа могут жить на обезвоженной планете?.. Но зачем заранее внушать себе предвзятые земные представления о Марсе?..

А жизнь все же на Марсе есть. Теперь, когда диск планеты рос не по дням, а по часам, пилоты видели игру лучей в атмосфере, обволакивающей Марс тоненькой каемкой. Планета живая! Значит, обитаема!

Но какие же они, жители Марса, проложившие каналы через материки? Какие города в их круглых оазисах?..

«Вечерами» пилоты пели о далекой Земле, каждый пел на своем языке. Петь хором в кабине невозможно: поющий захватывал слишком много воздуха, регуляторы поступления свежего воздуха давали тревожные сигналы.

С полужакрытыми глазами слушали разведчики пение товарища «под музыку космоса».

Вибрация корпуса ракеты и постоянное напряжение при слабой весомости вызывали непрерывный шум в ушах. В этом шуме пилотам мерещился шепот, голоса близких людей, пугающие своей реальностью, как при слуховой галлюцинации. Их нужно перебить, прервать. Иначе не собрать мыслей, не сосредоточить внимания.

Назойливый, постоянный шум! К нему не привыкнуть, и проглоченные шарики гармонич-

ности не помогают при слабой весомости. Чтобы заглушить этот шепот, нужно самому шептать, говорить, петь.

А можно и почитать. Не надо к кнопке тянуться. Кибернетическая библиотека откликается на голос. Распрямляясь, от стены отделяется овальная ракетка на стержне, становится прямо перед глазами.

Так жили космонавты в своей земной ракете. День прошел. Все! До завтра, космос! Теперь выдавить себе в рот из эластичных сосудов пеммикан, полужидкую еду – кашу из мясного порошка, жира и ягод, добавить космическую, или, как говорят пилоты, «микрокосмическую», порцию воды и спать или продолжать дневник, лежа в гамаке на магнитных роликах-рессорах. Эти ролики будут нужны при падении в атмосферу, они смягчат вибрацию движения ракеты и перегрузку веса, когда тело наливается свинцом.

– Лови!..

Бумага начинает бродить по стенам кабины, обдуваемым вентиляторами. Ее не поймать.

Что ж, пора спать. Но ведь опять не заснешь. Тело не укладывается плотно в гамак. Еще не устал до предела, когда организм сам выключается из действия и сон «валит» человека, как говорят на Земле. Здесь же и спишь – движешься, а спина словно чуть парит над гамаком, пока упругие ленты не уложат тебя в постель. И снова громко запоет в тишине космос, навевая тоскливые, тревожные мысли, как вечер в лесу, когда погаснет последний луч заката и в темной чаще зашумит листва.

Вентиляторы ровно гудят. Стучат капли дождя по крыше, шумит листва деревьев, ветер свистит — это заводятся записанные на Земле усыпляющие звуки, смягчающие тягостное чувство отдаленности от родной природы...

Кто-то включил фонограф. Женский голос поет о весне, о цветущей природе, о лучистых звездах.

Обыкновенная песенка, но она неузнаваема здесь, в мертвом космосе, где нет ни неба, ни вод, отражающих блеск звезд; где не бывает весны, заката солнца, земных, ласково мигающих звезд. Здесь звезды угрожают человеку отточенными холодными лучами.

Это там, на еще видимой звездочке Земле, на тончайшей оболочке, покрывающей земной шар, существует голубое небо, ласковое солнце, цветущая природа. Мертвый космос шлет туда смертоносные космические лучи. Но прозрачная пелена воздуха не пропускает их к полоске жизни.

Снизу осадочные пласты Земли защищают эту полоску от убийственных излучений космического ядра планеты.

Только на этой трепетной каемке Земли существует жизнь. Оттуда доносится песня.

А здесь мертвая, бархатно-черная пустота, где нет ни границ, ни ориентиров, ни верха, ни низа, кругом бездонность. Ощущение пространства осталось на Земле, здесь оно неизмеримо.

А космос пищит в ушах комариком. Ракета летит в слепящих лучах Солнца. Взглянешь, и долго-долго горят где-то в глубине глаз разноцветные пятна. Лучи Солнца, не прикрытые ат-

мосферой, опасны. Если бы иллюминаторы не были пропитаны окислами металлов, солнечное излучение убило бы космонавтов.

Летит ракета, и ничего не меняется: те же неизменные хороводы неимоверно далеких звезд и светлых туманностей. Они все так же туго закручены в необъяснимые спирали, и так же далеки застывшие клешни Крабовидной туманности, угрожающие кому-то во вселенной.

Вдруг усилились взрывы на Солнце. Протуберанцы, извиваясь, как щупальца, высоко поднялись над фиолетовым шаром. Вся солнечная система наполнилась смертоносными лучами. Двадцать часов автомат межпланетной погоды не снимал с ракеты защитных покровов. Значит, и на Земле неладно!

Какими-то своими, неопределимыми оттенками красок горят затерянные в бесконечности древние сферические галактики, где вокруг остывающих солнц движутся по избранным орбитам планеты, управляемые людьми.

Какой сказочный рельеф создают разумные существа этих галактик на поверхности своих планет! Какие же они собой, эти наши старшие братья?

Но люди не скоро увидят эти планеты. Потолок ракет ограничен солнечной системой. Люди заморожены Солнцем, привязаны к нему. О, если бы выйти на засолнечные просторы вселенной!

Васильчиков участвовал в запуске сверхскоростной ракеты-звездолета. Уже давно летит эта ракета без людей к 61-й звезде Лебедя. В звездолете — фонетические записи речи, звуков, шумов Земли; схемы (в разных цветах) солнечной си-

стемы, снимки Земли, картины природы, большие города; графическое объяснение устройства телекоммуникаций, радио, телевидения.

Звездолет уже где-то на подступах к системе планет 61-й звезды Лебеда. Его скорость приближается к скорости света. Если вестник Земли благополучно миновал все пороги и омуты в пучинах космоса – какие фантастические снимки, какие планеты на пленках его аппаратов!

Первый вестник не вернется на Землю. Он улетит туда, откуда фотоаппараты не уловят даже лучей нашего Солнца. Может быть, разумные существа высокой культуры притянут звездолет, расшифруют наглядные схемы и путевые снимки, услышат и поймут земные звуки, догадаются, откуда прибыл гость, и отзовутся?

Уже с утра Гарри Смейлс и Ибрай Кербаяев готовились к празднику, значительно поглядывали на вожатого.

– Приближаемся к орбите Марса! За половину пути перевалили.

– Ты слышишь, Василек? Смейлс говорит, что мы пересекли экватор. Понял? – Ибрай улыбнулся просительно. – Как бы это нам отметить? А-а? Васильчиков рассмеялся.

– Я бы вас обоих посадил для праздника на гауптвахту в шлюзовую, да скучно нам с Басрой будет...

Насвистывая, младший пилот Ибрай Кербаяев, невысокий, с квадратными плечами памирец, подошел к зеркалу из пластмассы. Всей фигуры не видно. Кербаяев попятился, шаркая утяжеленными подошвами сапог, и, наткнувшись на откидное кресло, выругался по-казахски:

– Жых соккыр!

На родном языке лучше получается. Хотя Международный астронавигационный совет постановил в экспедиции на Марс говорить всем на одном языке, иначе не может быть согласованных действий и связи с другими летящими на Марс ракетами. В этой экспедиции все говорили на русском языке, потому что русские – инициаторы полета на другую планету.

– Ну как? – обернулся Ибрай к товарищам.

– По-моему, вверх ногами ты бы лучше выглядел, – проговорил Смейлс. – Будешь похож на пробку от графина, из которого пьют гигантские жители Юпитера.

– На Юпитере жителей нет, а вот марсиан мы увидим, под гору пошли, – рассмеялся Ибрай, – Скоро поговорим с ними о космосе.

– Как же ты с ними говорить будешь, если они ничем не похожи на людей? Может, у них и ушей нет. Там атмосфера так разрежена, что звук, наверно, не распространяется, – возразил Смейлс.

– Правда, какой он, этот марсианин? Быть может, он летает или прыгает. Великан он или маленький, как сказочный гном? Прекрасен он, как женщина Земли, или уродлив? – задумчиво проговорил Басра. – Какие города в их круглых оазисах? Почему они не летят на Землю?..

– Пожалуй, неразумно лететь на планету с большим притяжением, – уже серьезно возразил Ибрай. – А мощный мир бактерий? Микробы убьют марсиан. Людям будет легче освоиться на маленьком высушенном Марсе. Но лучше не гадать...

— А почему бы и не погадать? Я еще раз объявляю! — Смейлс торжественно вытянул руку и на мгновение поднялся с кресла. Костлявый длиннорукий американец был смешон. Его согнутые ноги и вытянутая, как для клятвы, рука были так забавны, что Кербаяев рассмеялся.

— Для праздника космос подшутил.

— Итак, — продолжал Смейлс, опустившись в кресло, — на Марсе нет каналов. Это тектонические трещины. Марсиане, если они и существуют, менее цивилизованны, чем люди. При меньшей силе тяготения замедляются все процессы в организме, в том числе и мышление. Марсиане сами не могут пересечь космоса. Жила слаба, — усмехнулся американец. На его длинном узком лице шевелились рыжие до красноты брови и тонкие губы кривились, будто он сердился. Хотя это был добрейшей души человек.

— Неверно, Гарри! — вмешался Басра. — Марс дряхл. Он старше Земли на сотни миллионов лет. На Марсе уже нет расчлененного рельефа, его поверхность ровна как доска. И трещин быть не может. — Египтянин, волнуясь, произносил все слова с ударением на последнем слоге и растерянно улыбался. Его короткие черные волосы, блестящие даже после долгого заточения в ракете, топорщились при слабой весомости, как у неряхи из детской книжки. — Деятельность его коры давно прекратилась. Каналы возведены марсианами. Их культура развивается десятки миллионов лет. Их мозг...

Но Басре не удалось закончить. Наклонив вперед голову, в кабину влетел Васильчиков. Он

словно плыл по воздуху, отталкиваясь ногами от пола. Пилоты дружно засмеялись.

— Товарищи! — закричал Васильчиков, задыхаясь от волнения. — На черных областях Марса, за полумесяцем... Огни! Огни городов! В телескопе — светло-синие пятна!..

Стало тихо. Все насторожились. Царапанье лап ящерицы по стене казалось громовым, точно ящерица раздирает на части ракету.

— Смотрите, — Васильчиков вложил скатку цветных снимков в проекционный аппарат.

— Очень похоже на огни наших городов, отраженные в облаках...

— На Марсе редки облака. Откуда же эти блики на ночной поверхности планеты?

— Вчера их не было.

— Что бы это ни было, но зонд опускать нельзя, — решил Васильчиков, — планета может быть населена. Взрывная волна опасна для марсиан. Будем садиться на поверхность без проверки. Авось не сгорим.

— Полезем в воду, не зная броду, — проговорил Смейлс.

Васильчиков погрозил ему пальцем. Осторожно передвигая длинные ноги в тесной кабине, он повернулся к статьям приказа, выгравированным на вогнутой доске рядом с барельефом Можайского, изобретателя самолета, имя которого присвоено ракете.

— «Приказ командующего Первой астроэскадрой всем экипажам снарядов, отправленных за лунные форпосты.

Линейные пилоты дальних рейсов! Трудности, лишения и опасность движения в космосе

возмещаются результатами ваших исследовательских полетов.

Стремление человечества познать вселенную вызвано неотложной потребностью дальнейшего развития науки на Земле. Не мечта влечет человека в космос, а призыв разума, необходимость выйти за пределы родной планеты, чтобы понять космическое тело самой Земли.

Сравнительное изучение родственных планет раскроет тайны жизни космической материи Земли, поможет разгадать загадку зарождения жизни на поверхности планеты», — прочел Васильчиков.

— Все к аппаратам! — скомандовал он. — Начиная определение магнитных полей и силы притяжения Марса.

Пилоты направились в кабину автоматического управления, где мигали светящиеся стрелки приборов, работающих без усталости, где к стенам были привинчены плоские хронометры-контролеры и счетно-решающие машины-интеграторы. На космической скорости человеку непосильны быстрые расчеты и мгновенная реакция.

Мышцы не успевают среагировать на команду мозга. Ответная реакция человека — 1,5 секунды. За это время ракета далеко улетит. Машины следят и за давлением, за составом воздуха в ракете, предупреждают о его утечке, регулируют температуру.

Радарные установки сигнализируют о близости метеоритов. Исполнительная ракета мгновенно меняет курс. Автоматический звездный компас, направленный на отдаленные звезды,

вернет ракету на заданное направление. Космическая радиолокация опять замерит координаты Марса.

«Может быть, на Марсе раскроется тайна моей находки?» — думал Васильчиков.

Девять лет назад, когда Васильчиков начинал работать на антрацитной шахте, он нашел в куче обвалившейся слоистой породы плиту с каким-то странным отпечатком. Он долго с изумлением рассматривал отпечаток. «Что это? След ноги гигантской птицы или ящера? Но пальцы тонкие и длинные, прямые».

Геолог, которому Васильчиков показал плиту, был не менее поражен. Похоже на оттиск кисти руки.

— Рука мумии! — подсказал Васильчиков. — Но какие же мумии за триста миллионов лет до появления человека!

Геолог долго рассматривал отпечаток в лупу.

— Да! Это костлявая, необычно тонкая кисть руки, плотно обтянутая перчаткой, — глухо говорил он. — На запястье перчатка герметически скреплена с рукавом... Но если эта рука пропорциональна сложению всего существа, то такое тонкое существо должно было сломаться. Его кости не могут выдержать земного притяжения.

Бригада опытных горняков была снята со срочной работы для розыска в обрушенной лаве других следов. Но горняки больше не нашли отпечатков. Тайна «кисти руки» так и осталась нераскрытой.

В Геологическом управлении установили, что болотный ил, частью которого была плита, залит

изверженной магмой двести восемьдесят миллионов лет назад...

Редакция «Энциклопедии горного дела» на фронтисписе тома тогда, девять лет назад, перед титульным листом «Энциклопедия» поместила снимок с плиты и четыре строчки: «Отпечаток в иле каменноугольного периода. Плита найдена в Донбассе на глубине 968 метров молодым шахтером Андреем Васильчиковым».

Находка воодушевила Андрея. Он всюду искал объяснения, разгадку отпечатка. Много читал, обращался к разным ученым, даже к астрономам. Может быть, это отпечаток руки существа с другой планеты? О, если бы так!

Скоро о находке Васильчикова забыли. Только горняки помнили о ней. Когда Министерство геологии и охраны недр утвердило план глубинной разведки Большого Донбасса, первым маршрутом горняки наметили экспедицию в те подземные участки под шахтой, где Васильчиков обнаружил загадочный отпечаток.

Теперь разведчики Донбасса подходят к земной коре. Они уже пронизали тонкую оболочку осадочных пород. В скафандрах, управляя вездеходами, разведчики движутся в космические недра Земли. Может быть, там найдут они разгадку таинственной кисти руки?

— А-а-ах! — Васильчиков обхватил лицо руками.

На командном экране отразился огненный луч, такой яркий, что Васильчиков застонал от боли. Иголки света колючи, как занозы. А на экране в бешенстве рвутся немые, прямые, как копья, молнии. Пояс астероидов близок. Сталкиваются куски распавшейся планеты Фазтона.

И все погасло. С черного экрана только пристально смотрят звезды, окружающие гигантский полумесяц Марса.

Играет черный космос. Всю дорогу шутит. Как только Земля сжалась, превратилась в комочек, в еле видимый шарик, ожили косматые завихрения спиралей туманностей. Крабовидная туманность засверкала ярче. Ее клешни зашевелились.

Космос играет. Он то ослепит огненными лучами, то непроницаемым мраком закроет звезды и Солнце, словно сажей залепит экран. Недалеко прошел астероид. И опять ослепило яркой вольтовой дугой взрыва на Солнце.

А вселенная, как залитая тушью сплошная стена, совсем рядом. Нет ощущения глубины. Еще миг, и ракета врежется в черную стену!..

Васильчиков откинулся назад, сжимая пальцы, чтобы не нажать на аварийный тормозной рычаг, но уже нет огненной дуги, и стена словно отошла от ракеты.

И далеко между звезд катится, растет новое чудище. Громадный выщербленный астероид будто рвет блестящую паутину волокнистой ту-

манности Возничего. Он уже закрывает Марс. Он уже рядом, поворачиваясь, катится по экрану.

Пустые мертвые ущелья астероида и сверкающие скалы с черными тенями словно нарисованы тушью и серебром. Щербатый астероид уже далеко от ракеты, но Васильчиков не решается взглянуть на экран. Нет ничего ужаснее для космонавта, как очутиться на таком безжизненном кусочке планеты.

Тоскливое, удручающее чувство одиночества, заброшенности охватило Васильчикова. А может быть, и Марс такой же безжизненный? И его каналы — такие же мертвые ущелья?

Как беспредельна мировая пучина, полная галактик и туманностей! И среди них провал в космос — черная неизмеримо громадная пустота в форме лошадиной головы! Неподвижная. Застыла среди закрученных кольцами галактик.

Светлеющие облака газов плывут далеко за Лошадиной головой.

Пилот перевел глаза на экран-телескоп. В большом Магеллановом облаке что-то блестело, словно мелькали летящие искры, и разгоралась кольцевая туманность Водолея. Что же там происходит, среди звезд, громадных, как орбита Земли? Почему, как пики, угрожающе вытянулись ступки горячих звезд галактик? Почему загнулись хвостом перемигивки, словно обожженные или ужаленные?

Космос, неподвижный и в то же время стремительный, как морские течения, незримые, но ощутимые, космос, немой и оглушающий, наступал со всех сторон. Всем организмом Васильчиков ощущал рев и гул. Усилители внешних зву-

ков молчали, но человек, видя на Солнце взрывы, извергающие протуберанцы на сотни тысяч километров, не может не ассоциировать взрывы с гулом.

А Марс все ближе. Васильчиков опять отвернулся от экрана. Лежа в кресле у командного щита управления, он закрыл на мгновение глаза. Облик чужой планеты, рассеченной кабалистическими фигурами, вызывал ощущение угрозы, неведомой опасности.

Когда пилот, вздрогнув от слепящего снежного блеска полюса, открыл глаза, ракета уже шла на посадку. Чудовищного разгорающегося серпа не было на экране.

Притяжение Марса усилилось, ракета повернулась. Марс оказался внизу. Серп стал диском с размытыми, шероховатыми краями. Он надвигался на ракету. Все отчетливее вырастала на желтом северном полушарии паутина узловатых каналов. Меж них катился Фобос.

— Лечу, как куропатка в тенета,— прошептал Васильчиков пересохшими губами.

Ему казалось, что ракету преследуют два прозрачных синеватых пятна. Он даже уловил мелькнувший на экране синий диск.

Галлюцинация? В центре диска серп и молот — эмблема труда на Земле. Чего не рисует тоскующее о Земле воображение!

Вот она, полоска канала Физон! На стыке каналов Физон-Астаборас оазис — место посадки. Пилот зафиксировал показания звездного компаса. Нажатием кнопки он передал их счетной машине и чуть коснулся кнопки «Тормозные плавники». Ракета послушно выдвинула крылья.

Снижаясь, ракета спиралью полетела вокруг Марса, все суживая круги, все ближе к планете. Много раз дневной свет на одной стороне планеты чередовался с тьмой на другой ее стороне. Скорость все уменьшалась. Пилот повел ракету в верхние слои атмосферы, и снова на планете сменяются день и ночь.

Управляемая звездным компасом ракета подошла к месту приземления.

Округленными глазами, не мигая, Васильчиков искал темное пятно оазиса на перекрестке больших каналов и в ужасе потянулся пальцем к тормозной кнопке.

Вот оно! Непредвиденное! У Марса не два, а десятки спутников!..

Но Васильчиков не верил глазам: спутники уходили с пути ракеты. Нет, это не спутники! Иллюзия, отображение пятен оазисов в дымке атмосферы.

Ракета еще раз облетела планету и снизилась.

— Восемнадцать тысяч!.. Пятнадцать пятьсот... Тринадцать... — шептал пилот, не сводя глаз с прицела на раме экрана. — Десять... шесть...

В глазах зарябило. Марс стал пестрым, мозаичным. Тысячи цветистых бликов покрыли планету: разноцветные пятна, овалы, кружки, площадки, дуги, полосы, ровные и волнистые, как змейки.

Края планеты поднялись. Диск превратился в чашу. Пятна покатались вниз. Они росли, двигались, меняли оттенки.

Непомерная тяжесть наваливалась на грудь пилота. Он задыхался. Черные круги заслонили глаза. Голову сдавил невидимый обруч.

— Только бы не потерять сознание!.. Где же оазис Физон-Астаборас? Куда садиться?

Все сливалось. Перекресток каналов исчез.

Пилот чуть двинул бровями. Очки опустились на глаза.

Стекла призматических очков дают отчетливый абрис. Васильчиков перевел дыхание, он увидел зыбкую линию каналов и темный кружок оазиса. Неужели все это происходит в действительности?

— Включить тормозную аппаратуру! Закрепиться вниз лицом в гамаках! — хриплым голосом крикнул Васильчиков в микрофон. — Иду на посадку...

Ракета, сверкая багровыми бликами на гладких боках, летела к пламенеющему шару.

Много раз выводил пилот громадный снаряд в верхние слои атмосферы планеты. Как полосатая щука, выскакивала и снова ныряла в атмосферу шестидесятиметровая ракета, раскрашенная серебристыми и черными полосами.

Двигаясь под углом относительно поверхности Марса, ракета скользила из высоких разреженных слоев атмосферы в более плотные.

Васильчиков включил второй гаситель скорости. Все же многослойная обшивка корпуса ракеты так накалилась, что вконец измученный пилот «одеревенел», как говорят космонавты.

Автоматическое управление точно на указанной высоте развернуло крылья-парашюты. Двигатель, захлебываясь, боролся с притяжением планеты. Автомат-штурман вел ракету по азимуту звездного компаса к месту приземления.

Опускаясь на бушующем огненном выхлопном столбе, ракета села на свои четыре ноги, ушедшие в рыхлую почву до самых крепительных углов.

От мощного удара сорвалась скоба вентилятора и раздробила прозрачный колпак над водорослями. Осколки застучали по пульту управления.

Покрытая окалиной, порыжевшая ракета остывала, изборужденная взрывами метеоритов, словно кора гигантского дерева. Кусочки пережженной жаростойкой пластмассы щелкали отскакивая.

Внизу перекатился баллон с жидким кислородом. Он сорвался с креплений, обломил перегородку и придавил эластичные контейнеры — баки с водой. Потянуло сыростью. Заплескалась вода, выбиваясь из лопнувших баков. С визгом свернулись в рулоны накалинные ребристые крылья тормозов. Ракета чуть накренилась и замерла.

Но космонавты в жилой кабине не шевелились. Все трое — казах, американец и египтянин — лежали в полубморочном состоянии.

МАРСИАНСКОЕ УТРО ВСТРЕЧАЕТ ПИЛОТОВ

Васильчиков очнулся первым. Голова гудела. В ушах стучала кровь. Нестерпимо хотелось пить. Он открыл глаза и тотчас опустил веки.

— Пить!..

Приподнял голову с рессорной подушки и с усилием разлепил слезящиеся глаза.

Свет погас. Экран выключен. И как трудно подняться! Васильчиков опустил отяжелевшую голову на тугую подушку и вдруг, словно пронизанный электрическим током, оторвал плечи, вдавленные в кресло. Он так и застыл в неловком положении. Тоненький луч дневного света, яркий в темноте, просачивался через крошечную щель во внешней оболочке ракеты, пробитую метеоритом. Метеорит сгорел в клейкой средней оболочке у прозрачной внутренней стены штурвальной кабины.

Судорожным движением Васильчиков рванул держатели ног и сел.

— На Марсе! — он провел рукой по взмокшему лицу. — Мы на Марсе! — Пилот неудержимо смеялся. Он хотел встать и не мог. Смех или плач судорогой сжал горло. — Кусочек марсианского дня!

Васильчиков пытался крикнуть, но только шептал:

— Ибрай! Сюда, Ибрай! Ракета на Марсе!

Васильчиков видел, как блекнут сигнальные

огни автоматов-подсказывателей: зеленый цвет движения и синий – напряжения аппаратов. Дыхание перехватило, сердце забилося так, что Васильчиков, боясь задохнуться, торопливо снял навигационный костюм, окрашенный кровью. Она выступила сквозь кожу на спине.

Только теперь Васильчиков поверил, что его действительно провожали на Марс, что он на самом деле летел к Марсу, что все это происходило в действительности, а не в долгом сновидении и на зеркальном экране в самом деле отражались и бледный лик громадной Луны с неподвижным взглядом мертвеца, и крупные немерцающие звезды в угольно-черной пустоте, и снова Луна, но уже с яблоко, а рядом повисший в бездонном пространстве зеленовато-голубой диск, ничем не напоминающий Землю.

На Марсе! Худое, истомленное полетом лицо двадцатишестилетнего пилота осветилось гордой улыбкой человека, одолевшего пространство между двумя планетами.

В памяти Васильчикова отчетливо проносились клочки давно забытых и таких неожиданных теперь впечатлений.

В один миг Васильчиков успел увидеть себя ребенком на берегу пруда, заросшего чашечками лилий, почувствовал холодок мокрого песка, липкие хвосты головастика, ускользающих из-под пальцев, острый запах и звонкий хруст на зубах дикой луковицы; и вдруг запах мокрой плотной глины, желтый листочек, упавший на посиневший лоб отца в гробу; и теплые грани решетки ракетодрома для полетов на спутник, милую улыбку тасманянки в ожерелье из цветов

среди провожающих; и абрис главного спутника, его круговую сборочную площадку для ракет, свинцовые башни складов горючего и выносные причалы с фигурами астроремонтеров, плавающих на невидимых шнурах привязей; и низкие стены свинцовых бастионов космопорта на залунном спутнике; и изумительную величественную чашу падающей Земли со сверкающими снежными вершинами горных хребтов; и вырастающую голубовато-снежную Венеру; и мертвенно-дикие, словно слепые, скалы на пролетевшем астероиде; и бредовые видения ярких завихрений-туманностей; и призрачные тени потоков метеоритов, закрывающие звездные скопления; и пылающее фиолетовыми протуберанцами косматое Солнце, окруженное огненными вихрями невообразимой красоты.

Васильчиков сам не заметил, как, споткнувшись о скобу, подскочил к щелке и замер, поднявшись на носки:

– Другая планета! За стеной пески древней планеты. Каналы Марса... Оазисы. – Васильчиков вытер ладонью слезы, выступившие на глазах, и опять прильнул к щели.

Ничего не видно. Да и не может быть видно через густую магму средней оболочки.

Неземной день! На чужой планете, где своя жизнь. Луч, пугающий и такой знакомый, как луч через завешенное окно.

Васильчиков вздрогнул, широко раскрыл глаза. Поют... Но как же можно слышать через непроницаемые оболочки ракеты? Мерещится? В ушах шумит? Нет, поют!.. Звукоулавливатели ракеты усиливают звуки извне. Где-то поют.

Васильчиков внятно слышал пение. Он отшатнулся от стены. Невозможно представить, что там, за стеной, но Васильчиков вдруг почувствовал всей душой, что там, близко, рядом, жители планеты.

— Товарищи! Там марсиане!.. Они встречают нас! — закричал Васильчиков. Он включил свет и бросился к аппаратам, определяющим состав атмосферы, радиацию почвы и микромир планеты. — Можно ли выходить?

Крик вывел из обморочного состояния Басру в соседней жилой кабине. Он рванулся, но тугие держатели сдавили грудь. Расцепив скрепы, Басра нащупал рукой шланг и впился тряпичными высохшими губами в сосок-поильник, сжав два положенных раза резиновый шар с водой. Пить захотелось еще больше. С усилием оторвавшись, он лег в гамак и вспомнил, что кто-то кричал.

Басра нажал кнопку. Кабина осветилась.

— Гарри! — негромко позвал Басра.

Увидев, что американец неплотно привязан к гамаку, он встал и осторожно двинулся, хватаясь за ременные скобы на стенах кабины. Но держаться не нужно было. Можно двигаться по полу.

Басра привык к чудесам в полете. Но тяжесть собственного тела его удивляла. И вещи лежат на местах плотно, а не покачиваются на привязях.

Осторожно приподняв руку Смейлса, Басра укрепил плечи американца и изумленно прислушался: «Что-то гудит там?»

— Да ведь мы на Марсе! — вдруг понял он. — Ва-а-си-иль-чик! — крикнул Басра, открыв дверь в кабину управления. — При-ле-те-ли! На Ма-арс!..

Басра притопывал на пробковом полу, неудер-

жимо смеялся, теребил Кербая за тяжелые плечи и, оборачиваясь к американцу, кричал:

– Смейлс! При-ле-те-ли!

Как мальчишка, угловатый, худой, двадцатитрехлетний Басра в белой спецовке, в мягких сапогах кружился в восточной пляске. Его смуглое лицо блестело. Он захлебывался радостным, счастливым смехом. Внезапно он присел, задохнулся, но, сидя на полу, все же кричал, плохо выговаривая от волнения русские слова:

– Вставайте! До-ле-те-ли на Ма- арс! Друзья!

Американец медленно повернулся в упругом гамаке, куда его вдавила инерционная перегрузка. В рыжей щетине его небритого подбородка серебрилась легкая «космическая» проседь, как называли в Международной ассоциации космонавтов раннее поселение пилотов. Смейлсу было двадцать семь лет.

* * *

Космонавты с тщательно выбритыми лицами походили на актеров. Сухая кожа была словно после смытого грима. Блестящие от нетерпения глаза, быстрые движения, праздничное настроение, как на параде. Но это продолжалось недолго.

– Встречают?..

– Никого там нет, – растерянно произнес Васильчиков, вращая экран. – Песок и черное небо.

– Кто же поет?

– Неизвестно! – Васильчиков устало опустился в кресло.

— О черт! — американец вздрогнул и смахнул с плеча ящерицу. — Ибрай, убери Малайку.

Малайка, высунув тоненький язычок, скрылась в воротнике скафандра Ибрая, казах не раз сажал ее туда в пути, когда выходил на поверхность ракеты, чтобы заделать пробоины.

Званные или незванные, а выходить нужно. Ракетоплан ждет известий.

Васильчиков быстро просмотрел (в который уже раз!) параграфы инструкции «Выход на Марс». На его лице чередовались различные выражения, как у актера, ведущего две разные роли. Строгость плотно сжатых губ — и вдруг мечтательная улыбка фантазера, созерцателя.

Быстрая смена выражений на лице Васильчикова, впечатлительного и мужественного, мягкого и сурового, всегда забавляла казах. Кербаяв засмеялся, сощулив колючие глаза.

Васильчиков удивленно повернулся к Ибраю. Казах сразу понял: смех неуместен. Ступили на чужую планету и тому подобное. Он сделал серьезное лицо.

— Товарищи, дышите вволю! Пейте земную воду!..

— Ибрай! — оборвал его Васильчиков. — Готовь комбинированный компас.

Все предусмотрено инструкциями для выхода на поверхность чужой планеты. Космонавты заученными в холлах искусственной поверхности Марса движениями готовились к выходу.

Кербаяв уже сложил весь комплект двойного компаса — звездного марсового. Когда Васильчиков отвернулся, Ибрай подошел к пихтам. Все пихты были влажные, а вот Басрова

осыпалась. Казах растер на ладони пахучую хвою.

– Твоя елка, Басра, вянет! – неосторожно крикнул он и спохватился – это плохая примета.

Но Басра и не слышал его. Там, в соседней камере, Смейлс с шумом заворачивал иллюминаторы.

– Жаворонок, помогай! – крикнул он Басре.

– К выходу! – торопил Васильчиков.

Он внимательно осматривал громоздкие костюмы-скафандры. Они, как доспехи, стояли у стены.

Приподнял прозрачный шар своего скафандра с крупными мозаичными краснеющими знаками «М-1» на лбу и на затылке и улыбнулся.

Прежде всего надо определить степень стабильности почвы и влажность. Затем – обитаемость.

– Микромир, радиация, газы и подземные толчки, – повторял Васильчиков как заклинание, – влажность.

– Не ворожи, Васильчик! К марсианскому вечеру все будем знать, – уверенно заявил Ибрай.– И осмотрим участок, где сядет ракетоплан.

Ракетоплан «Колумб» – огромная ракета, собранная на залунном космическом форпосте, с экипажем в одиннадцать человек – был недалеко. Через восемнадцать часов ракета затормозит полет и станет спутником Марса. От «Колумба» оторвется посадочная лодка – часть ракетоплана, способная двигаться в атмосфере, – и сядет на Марс.

Васильчиков посмотрел на лица товарищей. Нужно бы отдохнуть – у Басры кожа на шее дря-

блая, в мелких складках... На матово-смуглом лице черные сросшиеся брови кажутся накрашенными, уголки губ вздрагивают. Лицо Смейлса в пятнах. Это его вечные веснушки. Но как они ужасны на высохшем лице! Он судорожно двигает тонкими пальцами.

– Смейлс! – окликнул Васильчиков американца.

Американец вытянулся, ожидая приказаний.

– Ты и Басра останетесь в ракете. Даю вам четыре часа отдыха.

– Васильчик! За что? – кинулся к начальнику Басра.

– Это несправедливо! – возмутился Смейлс.

– Вы предельно утомлены. Здесь притяжение достаточно сильное, чтобы отдохнуть в гамаках...

– Ты себя не видишь, Васильчик. – Басра оттолкнул Кербая от зеркала. – Смотри, как ты мигаешь.

У Васильчикова дергалось левое веко. Даже у Кербая, всегда непоколебимо спокойного, на обтянутых кожей скулах все время двигались желваки.

«Что ж, всем отдыхать нельзя, – думал Васильчиков. – За ракетопланом движется космический корабль «Циолковский» – двадцать восемь человек. Его посадочная лодка через трое суток сядет на Марс. Но это еще не скоро... А ракетоплан уже близко. И если вовремя не разведать поверхность Марса, огромная посадочная лодка «Колумба» сядет на маленький спутник Марса – Фобос, затормозит его движение, сдвинет с орбиты. А вдруг внутри Фобоса мастерские, пересадочная станция марсиан? Успеем ли мы вдвоем

с Ибраем разведать атмосферу и поверхность планеты за один день?.. Меньше, чем за сутки! Хотя приборы и не сигнализируют опасности ни в атмосфере, ни в почве».

— Проверить биотоки! — скомандовал Васильчиков.

Космонавты стремительно бросились к аппарату, определяющему устойчивость и равновесие жизненных сил организма, его нервной системы и деятельность мозга.

Стрелки аппарата запрыгали. Но это только сильное возбуждение. До красной черты «Смятение» стрелки не поднялись.

— Приготовиться к выходу на пла-не-ту! — скомандовал Васильчиков. Его густой, низкий голос прерывался.

В непроницаемых спецовках, с сухими батареями радиотелефонного питания, с объемистыми резервуарами кислорода за спиной, тяжесть которых в 2,6 раза стала меньше, чем на Земле, космонавты спустились в нижнюю кабину-вестибюль.

— Открыть иллюминаторы! — распорядился Васильчиков.

Смейлс сдвинул рычажок. Одну за другой космонавты вывинтили толстые пробковые ставни, закрывающие кварцевые «стекла» иллюминатора.

Стукнувшись шарами скафандров, разведчики замерли у запыленного иллюминатора. Кружочки в конце длинных радиоантенн качались над их шлемами. Что это, нервная дрожь или дрожь от холода жестких костюмов?

Тусклые пылевые бугры, барханы с мелкими

застывшими волнами пыли после ветра. И все. Что там дальше? Не видно. Ракета глубоко села в желто-розоватую пыль.

— Почему же на экране все казалось фиолетовым? — удивился Басра.

— Мы только горизонт видели...

— Выходи в шлюзовой отсек! — приказал Васильчиков и открыл внутреннюю дверь.

В узеньком шлюзе-тамбуре едва уместились четверо в толстых гофрированных костюмах. Васильчиков захлопнул щит-дверь в вестибюль.

— Открывай наружную дверь! Гаси свет! — быстро распорядился он. — Выкачивай воздух!

Басра нажал на рычаг автоматического насоса. Смейлс выключил свет.

— На вы-ход! — у Васильчикова пресекся голос. — Проверить личный запас воды! Выключить индивидуальные радиотелефоны! Снять летные подошвы! Прочистить шипы сапог!..

Васильчиков ошупал ранцы товарищей и неожиданно скороговоркой проговорил без пауз:

— Ассурбанипал умер, Навуходоносора сын — Наболоссара — жив. Третий, повтори!

Басра, заикаясь от торопливости, радостно доложил:

— Ашшурбанипал умер. Худоносый сын Небополоскала жив!

Взгляд Васильчикова смягчился.

— Пропел, Жаворонок! — он улыбнулся Басре, довольному своей находчивостью и юмором в такую минуту.

Ведь не так-то легко понять невнятную речь при непрерывном шуме в ушах.

– Четвертый, скажи теперь ты.

Пилоты еще раз ощупали антенны на шарах скафандров.

– Из ущелья узкая выводит руска, – одним дыханием выпалил казах.

– Второй!

– Из ущелья узкого девушка выходит русская! – американец даже перевел «кыз» на русский язык. Он уже знал это казахское слово.

Слышимость хорошая, острота восприятия сохранилась.

– Открыть люк!

Блеснула тоненькая полоска света. Засвистел марсианский воздух, врываясь в пустоту шлюза... Что это? Опять!.. Вместе со свистом воздуха камеру заполнило глухое гудение.

Космонавты, наклонившиеся было к люку, прижались к стенам.

Люковая пробка перевернулась. Свист прекратился. Гудение стало слышнее.

Американец осторожно подошел к люку.

– Воздух гудит в ушах, – неуверенно сказал он, – давление другое, непривычное, вот и гудит.

Васильчиков решительно шагнул вперед. В люке автоматически развернулась лестница и упала вниз.

Свет планеты отразился на красных мозаичных знаках скафандров и на гранях приборов. Термометр показывал -48° .

Стремянка, вероятно, коснулась почвы. Мелкая пыль розовой вуалью закрыла выход из люка и быстро осела.

Васильчиков торопливо распорядился:

– Проверить крепление скафандров! Кисло-

родные аппараты! Антенны! Двигаться размеренно...

— Теперь притяжение не дает вертеться в пространстве, как на пьедестале стоим, — усмехнулся Кербаяев и шагнул в люк.

Смейлс схватил его за локоть.

— Забываешь устав космонавтов!

Кербаяев взглянул на Васильчикова и, обиженно мигая кофейными глазами, посторонился.

Выставленный на воздух метеорограф показывал: давление — 65 миллиметров ртутного столба (переносимое в герметических костюмах), влажность — 0,002 доли земной; кислорода — менее 0,01 нормы для человека.

— Влажность — две тысячных земной! Что ж, пойдем! — рослый Васильчиков, пригнувшись, ступил в низкий люк.

Смейлс подтолкнул его в спину:

— Скорее!

Кербаяев улыбнулся:

— Ишь, как не терпится, а меня не пускал, траппер со Скалистых гор...

— Скалистых, но не скуластых, — усмехнулся Смейлс. Он хорошо изучил русский язык, но, волнуясь, говорил с ударением на первом слоге. — Ну, иди вперед вторым номером, Гиндукуш! Сейчас мы узнаем, кто это нам сигнализировал на Землю. Жаворонок, за мной! Что ты там щебечешь?

Египтянин шел последним. Он что-то шептал сухими губами. Басра знал, как много лишений и опасностей подстерегает людей в пустыне.

Васильчиков начал опускаться по сплетенным из проволоочки ступенькам, товарищи навалились

на него и следом прыгнули в пыль. Кербаяв, ловко подсакивая, стал рядом с большой расплывчатой фигурой вожатого.

В зеленоватом тумане было плохо видно. В глазах — разноцветные полосы, пятна. Разведчики закрывали глаза, открывали — опять то серо-зеленая пелена, то цветные ленты. Глазам больно, но как отдыхает, радуется тело притяжению планеты, ослабевают ощущение непрерывного падения в пустоту. Скоро смолкнет шепот в ушах.

Кербаяв шагнул, наклонив голову.

— Товарищи! Так лучше. Почва ясно видна. Не поднимайте глаз выше горизонта!..

Прищурив глаза, космонавты ждали, пока их зрение привыкнет к марсианскому освещению.

Когда разведчики подняли глаза, на ясном фиолетовом небе им сияли яркие звезды. Атмосфера вдруг стала прозрачной. Глаза освоились или ветер отнес зеленый туман и разноцветные полосы?

— На Марсе!.. Мы на Ма-ар-се-е! — повторял Васильчиков.

Его изумленное лицо в ореоле громадного шара скафандра казалось Кербаяву маленьким, наивным. Васильчиков был похож на ребенка, впервые попавшего в зоологический сад.

Васильчиков с таким удивлением смотрел на пылевые барханы, на крутой небосвод, нависающий над куцым горизонтом, и даже на космонавтов, словно он только что проснулся и впервые увидел три широкие фигуры линейных пилотов в серых костюмах. Пилоты также озирались кругом. Безжизненная пустыня. Из пыли выступали

розовые скальные глыбы. Горизонт был так близок, будто в нескольких шагах обрыв, пропасть. А ведь известно, что под ногами — равнина, плоская, как доска. Черно-фиолетовое небо с ледяными, немигающими звездами, с далеким кружком Солнца.

Чужая планета!..

Если бы не жесткий холодящий костюм, твердые баллоны за спиной, если бы не этот порошок под ногами, тяжелый, как железные опилки, — все было бы сном. Но ведь вот она, марсианская почва, — Васильчиков поднял взмахом носка клубы пыли в воздухе.

Пыль быстро осела, хотя притяжение планеты небольшое.

— Чудо, товарищи! — закричал Васильчиков. — Мы на другой планете!

Кербаев, толстый, кругленький в плотном костюме, закружился.

— Чудо-юдо!.. — напевал он. — А здесь, товарищи, повеселее, чем на Луне!.. И небо не совсем черное, и влажность две тысячных земной. Это многое обещает.

Ибрай подпрыгнул и на полтора метра взлетел в воздух. Пилоту стало не по себе, он присмирел — действительно, на чужой планете. Ибрай посмотрел на небо.

— Однако далеко залетели. На Луне видно Землю. А здесь — только звезды на небе. Земля затерялась в космосе.

Смейлс указал рукой на Васильчикова.

— А он все еще не верит! Скоро, друг, увидишь еще не то... Низвергнется на нас «каскад впечатлений», как говорят на Земле, марсиан и марсиа-

нок узреем. Какие они могут быть? Субтильные, легкие, как балерины...

Разведчики старательно поддерживали полусутольный тон: так им легче было справиться с необычайностью окружающего.

Пилоты знали по опыту Луны, как мудро поступил Астронавигационный комитет. В инструкции «О поведении на чужой планете» комитет рекомендовал в первый час на новой планете только знакомиться с ее характером, улавливать особенности планеты с любопытством туристов, проезжающих мимо, чтобы «шок космической новизны» не привел к общему расстройству организма.

Шок новизны на Луне доводил космонавтов до длительных обмороков и даже до «космического паралича памяти». Ландшафт чужой планеты пугает.

Васильчиков, запрокинув голову, смотрел на узенькое, как гоночная лодка, облачко. Оно плыло так высоко в атмосфере среди звезд, что казалось уже не марсианским, а космическим облачком.

— Больше ста километров. Как же оно держится в редкой атмосфере? В холлах мы видели декорации марсианской природы, расставленные марсоведами. В действительности-то все иначе сочетается! Облако на черном небе, розовая почва, горизонт проваливается, в атмосфере гул, и пить хочется.

— Своеобразное сочетание, — усмехнулся американец. — Помесь Сахары с тундрой. Вот тебе и круги-обручи... Где же они? Где вы, марсиане?

— Розовые пески — это от окислов железа...
Пылевые облака! Смотрите! — кричал Кербаяев. —
Пыль садится на горизонте, как дождь!

Басра изумленно смотрел на барханы. Будто в поставленных под углом зеркалах, повторялся один и тот же бархан, так поразительно однообразна была их форма. Все гребни загнуты дугой в одном направлении, значит ветер дует в одну сторону. И барханы движутся по твердому и ровному грунту.

— Словно искусственные, — проговорил Басра. — Все-то здесь не по-земному, — пожалел он.

Смейлс указал на небо:

— Вот она!

На тусклом небосводе еле обозначалась далекая двойная звезда. Одна из них покрупнее, поблескивала зеленовато-голубым цветом, казалось, она изумленно смотрит на своих питомцев, улетевших так далеко.

Да, Земля! Это можно было доказать с астрономической точностью, и все-таки не верилось, что эта двойная звезда — Земля с Луной. Когда Смейлс произнес самым серьезным тоном:

— А ну, пересечем быстро эти пески Сахары и выйдем к Средиземному морю, — все повернулись в сторону, куда указывал американец.

«А трудно им будет на чужой планете!» — подумал Васильчиков, глядя на пилотов.

— Друзья! — громко произнес он. — Мы выполним все, что поручено. Это я знаю. А скажите по совести, страшно?

Смейлс поколебался.

— Нервы здесь не подчиняются воле...

— Верно! Жутко, Васильчик! — сконфуженно

проговорил Кербает. – Но и на Луне сначала жутко было.

Васильчиков повернул лицо к Басре.

– Жителю Сахары пески не в новинку?

– Где пустыня, там и оазисы, – уверенно проговорил египтянин. – Действуй, Васильчик!

– А где оазис, там и жаворонок. Верно, Басра? – улыбнулся Васильчиков.

– Смелость города берет, – вдруг вспомнил американец старую русскую пословицу. – Только не расходиться. Скопом действовать.

– Ну что ж, начнем разведку. Сообщаю!.. – Васильчиков включил радаро-фоническую телекоммуникацию «Космос» на миллиметровые волны, для которых нет преград, и раздельно, отчетливыми точками-толчками, оставляющими в аппарате копию для самоконтроля на случай гибели космонавтов, начал передавать: «Двадцать два, сорок восемь. В двадцать два шестнадцать минут земного космического времени «Можайский» опустился на Марс. Сели с ровным увеличением инерционной перегрузки, без угловых ускорений. Перегрузка при посадке 6,85. Поломок в ракете нет. Одна пробоина, глубокая. Запас воды в норме. Больных нет. Истощение – 38. Симптомы психостении в команде не наблюдаются. Температура атмосферы – 48, влажность – 0,002. Давление 65 миллиметров, смещений почвы сейсмограф не показал, радиоактивность почвы у ракеты не опасна. Проникающие лучи не обнаружены. Выступаем в разведку. Васильчиков».

Он посмотрел на товарищей.

– Поздравляю вас с успешным перелетом! Мы приземлились в Аравии, у оазиса, на скре-

щении каналов Физон-Астаборас. Этот пункт, как вы знаете, выбран для посадки из-за близости к экватору и отсутствия каких-либо проявлений жизни. Ведь посадка ракеты опасна для марсиан.

Васильчиков высоко поднял голову:

– Привет обитателям планеты от людей Земли! Привет, товарищи марсиане, от пилотов!

– Ур-р-ра! – закричал Кербает и закашлялся.

– Ура сухое горло дерет, – засмеялся Смейлс. – На Земле покричим, усердный гималайский медвежонок!

– Гарри! Выбирай выражения. Мы – посланцы Земли.

– Кто нас слышит, Васильчик? Ведь не в ракете. Фонографов нет, – недовольно возразил Смейлс.

– Внимание!.. Читаю приказ, статья третья, – отчетливо проговорил Васильчиков. – «При выходе из снаряда на поверхность небесного тела пилотам и пассажирам повторить назначение, сроки и последовательность выполнения заданий. Задача – определить влажность, почвенную и атмосферную радиацию, установить степень опасности посадки ракетоплана на Марсе...

С прибытием ракетоплана разведке проникнуть к «растительности» Большого Сырта. Но только командующему кораблем академику Суворовцеву дано право углубиться в темный южный материк, к Элласу «глазу Осьминога», где обсерватории обнаружили сигналы.

Ознакомить еще раз экипаж с нормами поведения, повторить инструкцию водного режима и медицинской профилактики... – читал Васильчи-

ков. — От ваших успехов зависит судьба будущих полетов в Галактику. Вы первые увидите вселенную с другой планеты...» Начнем же, друзья, разведку первой планеты!

Васильчиков посмотрел на барханы, на сугробы пыли, на небо с непохожим на земное Солнце маленьким ярким кружком.

— Чем ты порадуешь нас, негостеприимная планета?

— Уже и негостеприимная! — Кербаяв сощурил глаза. — Не надо быть неблагодарным, Васильчик! Планета нас приняла хорошо. Сели без поломок! Кругом тихо, спокойно.

— Хорошее тихо! Почва от гула дрожит.

— Это твои ноги дрожат, Гарри!

— Смотрите! — вскрикнул Басра. — Пирамида!..

Недалеко из-за крутого горизонта поднималась макушка холма. Она невольно напомнила Басре пирамиды, так прямолинейны были ее грани.

Египтянин прищурился, протер перчаткой маску скафандра и внимательно присмотрелся к отвесному скату холма.

— Это постройка... Сооружение... Не гора, — прошептал он по-арабски.

Никто не понял его слов.

Американец решительно прыгнул на ближайший бархан.

Сухая пыль, мелкая, как пепел, но тяжелая, поднялась в воздух. Она закрыла Смейлса от товарищей туманной розовато-желтой дымкой, но быстро осела.

Васильчиков строго окликнул:

— Назад, Гарри!

Американец выпрыгнул из пылевого бархана с ловкостью акробата.

— Как легко! Вешу тридцать килограммов. Даже спать не хочется...

Васильчиков посмотрел на звездное небо.

Для предварительной разведки планеты оставалось меньше суток. Ракетоплан уже сошел с естественной кривой (дуги эллипса Земли) и был на пути к Марсу. Он сам, ракетоплан, так же как и космический корабль, спуститься на Марс не может. Собранные на залунном форпосте громадные ракеты не способны двигаться в разреженной атмосфере Марса. Они будут продолжать движение, как заатмосферные спутники Марса, пока посадочные лодки ракетоплана и корабля не поднимутся к ним. Только сигарообразная малая ракета Васильчикова сможет оторваться от Марса своими силами.

— На сколько часов поставлен сводный автомат? — спросил Васильчиков.

— На тридцать шесть часов, товарищ начальник! — по-солдатски вытянулся Смейлс.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

История фантастики в СССР знает немало случаев, когда изданные книги попадали под запрет и изымались из обращения. Причины могли быть самые разные – от неблагонадежности самих авторов (чаще всего) до обнаруженной вдруг «крамоле» в текстах. Но чтобы прерывалась уже начатая публикация – такого практически не было. Из фактов недавней истории это исчезновение в 1984 г. со страниц «ТМ» романа Артура Кларка «Космической одиссеи: 2010». Виною тому были политические мотивы, волно или неволно, привнесенные Кларком. Но что послужило причиной прекратить публикацию повести В.Макрушина «Первый день на Марсе», – было непонятно и автору в начале 60-х, и нам сейчас.

Валентин Александрович Макрушин родился в мае 1902 г. в Бузулуке Самарской губернии. Переехав в Москву, Валентин женился на Елизавете Дмитриевне Сырейщиковой. В 1934 г. у Макрушиных родился сын, а семья переехала в Ленинград. Спустя три года на свет появился еще один сын, Дмитрий. Незадолго до начала Великой Отечественной войны В.Макрушина мобилизовали: он был младшим лейтенантом артиллерии. В одном из боев, раненым, он попал в плен к немцам. Лечился у них в госпитале в Страсбурге. Елизавета Макрушина умерла в апреле 1942 г. по пути из блокадного Ленинграда в Свердловск в товарном вагоне. Валентина Александровича

освободили американцы. Демобилизовался он в 1946 или 1947 г., репрессии, к счастью, обошли его стороной. Вскоре В.А. Макрушин женился вторично на Анне Андреевне Кулдышевой. Работал техническим редактором в различных издательствах Ленинграда.

О каких-либо публикациях до появления повести «Первый день на Марсе» нам неизвестно., хотя они, возможно и были. Сама же повесть могла родиться как отклик на настроение общего энтузиазма, царившего в стране в связи с успешным и стремительным «штурмом неба». Начало повести было напечатано в майском номере журнала «Молодая гвардия» за 1961 г., а после слов «по-солдатски вытянулся Смейлс» шло привычное «окончание следует». Но его не последовало...

Редакцию смутило присутствие в членах экипажа американца? Но это – невеликий грех даже в разгар «холодной войны». Не шедевральный уровень повести? Но и намного более слабые вещи находили в те годы дорогу к читателю. Остается предположить, что «нечто» находилось как раз в оставшейся неопубликованной части повести. Фрагменты текста (в том числе и из неопубликованной части) были напечатаны в киевской газете «Комсомольское знамя» в конце мая 1961 г., то есть тогда, когда майский номер «МГ» уже был в продаже, а июньский – в типографии. Киевская публикация завершалась сообщением о том, что полный вариант можно будет прочесть в журнале.

Газетные фрагменты завершались сценой успешного возвращения экспедиции с Марса.

По признанию сына писателя, продолжения повести не сохранилось. Почему? Тоже вопрос. Ведь сохранить текст стоило хотя бы исходя из уникальности ситуации... Автор, умерший в 1987 г. уже не сможет пролить свет на тайну. Возможно, в архивах журнала и сохранился этот текст – но как его «извлечь» на всеобщее обозрение?..

В.Макрушин написал несколько очерков по истории географических открытий, а в соавторстве с историком А.Давидсоном две книги, выпущенные издательством «Наука». К фантастике он больше не обращался...

Пока что загадка «Первого дня...» остается неразгаданной.

Литературно-художественное издание

Серия "Фантастический раритет"

Вып. 205

Валентин Александрович Макрушин

Первый день на Марсе

научно-фантастическая
повесть

редактор - Б. Архипов

корректоры - А.Исакова

технический редактор – М.Ивлева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры.

Гигиеническое заключение №77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

Подписано в печать 29.07.2013.

Шрифт Times New Roman. Бумага офсетная №1.

Усл.печ. л. - 2,2, тираж 900 экз.

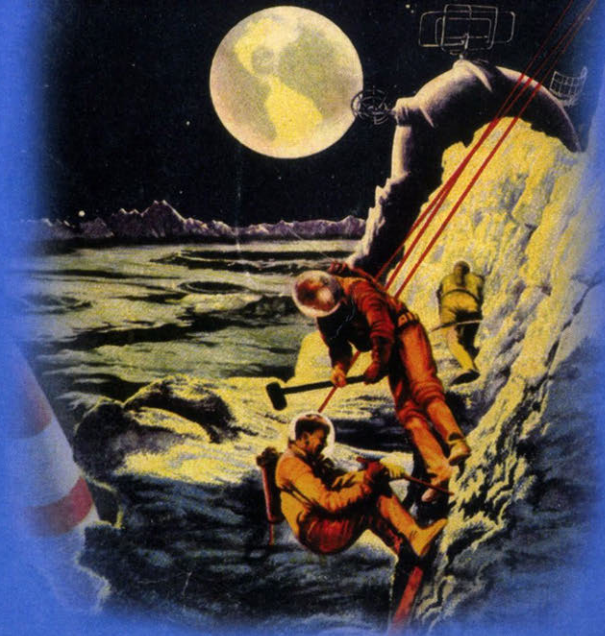
Макет, верстка, оформление - Издательский дом "Тардис",
г. Екатеринбург

chenacasya@rambler.ru

Отпечатано в типографии Издательского дома "Тардис",
Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 44А. Заказ № 339.

**ЧИТАЙТЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 2013 ГОДА
В СЕРИИ „ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАРИТЕТ.“**

**Е.Закладный
ЗВЕЗДНАЯ РАПСОДИЯ**

**Е.Закладный
СВЕТ НАД ОКЕАНОМ**

**СХВАТКА С ХИМЕРАМИ.
Выпуск 4-й**

**М.Гирели
EOZOON. ЗАРЯ ЖИЗНИ**

**а также книги других отечественных
и зарубежных авторов
20-70 годов XX века**

**ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ДОМ „ТАРДИС“ 2013**